

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-3-19-23

УДК 323.2(045)

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА РОССИИ: *PRO ET CONTRA*

Лукьянцев Андрей Сергеевич,

магистрант, Башкирский государственный университет,

Уфа, Россия

lukyantsev.andrey@gmail.com

Аннотация. *Говоря о современной российской модернизации, нельзя не затронуть аспекты ее практической реализуемости. Сегодня государство пытается совершить экономический и технологический скачок. В связи с этим существует потребность в определении существующих реалий, что дало бы ответ на вопрос: насколько модернизационная повестка в России реализуема? В данной статье рассматриваются аспекты государственной модернизационной политики в области социально-экономических изменений в Российской Федерации, систематизируются существующие представления о том, какие трансформации необходимы стране для перехода к инновационной структуре экономики и управления. Исходя из аргументов, представленных в статье, автор делает вывод о том, как на данный момент выглядит политика глобальных изменений, касающаяся российской экономики и политики.*

Ключевые слова: *модернизация; стратегическое планирование; технологический уклад; государственная политика; экономическая политика*

MODERNIZING AGENDA OF RUSSIA: *PRO ET CONTRA*

Luk"yantsev A.S.,

Graduate student of Bashkir State University,

Ufa, Russia

lukyantsev.andrey@gmail.com

Abstract. *Speaking of modern Russian modernization, it is necessary to touch upon the aspects of its practical feasibility. Today, the state is trying to make an economic and technological leap. In this regard, there is a need to define the existing realities, which would give an answer to the question: how much is the modernization agenda in Russia implemented? The article deals with the aspects of the state modernization policy in the field of socio-economic changes in the Russian Federation, systematizes the existing ideas about what transformations are necessary for the country to move to the innovative structure of the economy and management. Based on the arguments presented in the article, the author concludes how the policy of global changes concerning the Russian economy and politics looks at the moment.*

Keywords: *modernization; strategic planning; technological structure; state policy; economic policy*

Стремления создать прочную автономную среду для реализации стратегических планов и ориентиров в современной российской реальности находятся в состоянии институциональной неопределенности. Как оценить те или иные попытки институциональных игроков по недопущению срыва реализуемости модернизационных проектов и извлечения выгоды акторов при реализации стратегических планов и инициатив государства? В данной статье будет предпринята попытка ответить на поставленный вопрос и сформировать исследовательское мнение относительно того, какой сегодня является российская модернизация.

Попытка реанимировать российскую экономику в эпоху мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. благодаря массовому внедрению в общественное сознание таких концептов, как «инновация», «стратегия», «модернизация», «креативный класс» со стороны либеральных реформаторов из команды Президента Д. А. Медведева, не увенчалась успехом. В 2015 г. началась «работа над ошибками», которая длится и по сей день. За отправную точку в данном контексте стоит взять 1 июля 2015 г. Именно в этот день состоялась встреча Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева с членами Экспертного совета при Правительстве. В рамках встречи было вынесено судьбоносное решение — подготовить предложения по разработке стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г.

Главным институциональным актором, ответственным за разработку новой концепции реформирования российской социально-экономической действительности, стал М. Абызов, курирующий работу Открытого правительства. Предполагалось, что следование плану «Стратегии-2030» станет работой над ошибками со стороны российских экономистов — теоретиков, практиков и чиновников, а создание данного документа будет если не скоростным, то как минимум оперативным. Министр Российской Федерации М. Абызов 21 июля 2015 г. рассказал «Ведомостям», что в течение трех месяцев должен быть подготовлен первый «эскиз стратегии» [1]. Однако реальность вокруг обозначенного вектора стратегического развития такова:

- горизонт планирования сдвинут с 2030 на 2035 г.;
- потерпевший фиаско при планировании и реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года («Стратегии-2020») экс-министр финансов А. Кудрин снова вышел на авансцену российского стратегического планирования в роли руководителя Центра стратегических разработок и формирует запрос на «Модернизацию-2035»;
- при смещении горизонта планирования с 2030 на 2035 г. появляются усредненные проекты в виде «Стратегии-2024» от А. Кудрина (Центр стратегических разработок) и «Стратегии роста» (до 2025 г.) от бизнес-омбудсмена Б. Титова (Столыпинский клуб);
- запущена государственная автоматизированная информационная система «Управление», где любой пользователь сети Интернет может принять участие в разработке и обсуждении положений «Стратегии-2035».

Предполагалось, что к концу 2016 г. будет представлен эскиз документа, а в 2017 г. начнется подготовительный этап реализации проекта стратегического развития. Однако в 2017 г. о реализации модернизационных концепций речи не было. В конце 2017 — начале 2018 г. российские властные институты и общественность имели возможность видеть два источника, из которых можно черпать информацию о модернизационном развитии страны: пакет проектов документов, представленных Столыпинским клубом и Институтом экономики роста им. П. А. Столыпина, а также научную статью А. Кудрина и И. Соколова «Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики», опубликованную в журнале «Вопросы экономики» [2], являющуюся некоторым наброском одновременно «Стратегии-2024» и «Стратегии-2035».

Известно, что весной 2017 г. руководители авторских коллективов А. Кудрин (Центр стратегических разработок) и Б. Титов (Столыпинский клуб) представили проекты модернизационных изменений российской экономики В. В. Путину. Однако официально ни одной из программ не было отдано предпочтение как со стороны Президента, так и со стороны Председателя Правительства РФ. Отсюда следует вывод, что существует вероятность определенного

синтеза различных идей и положений двух авторских коллективов или же действующая Администрация Президента выжидает момент, когда дать информационный повод по вопросу определения наиболее жизнеспособного и реалистичного проекта.

Государственные институты, находясь в ситуации онтологической стагнации, должны отвечать на запросы общественности по существующей социально-экономической и общественно-политической проблематике. Действующий истеблишмент проблематично реализует или же практически не реализует дискурсы полномасштабной экономической и административной реформы. Учитывая, что модернизация, осуществляемая в рамках Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2010 года («Стратегия-2010»), полностью исключала проведение административной реформы, и реализуемость пунктов программы развития федеративной структуры, системы гражданского общества оценивается на нулевом уровне, а «Стратегия-2020» не создала эффективной системы потребности в изменениях, стагнация в области общественно-политических изменений может оцениваться экспертами как реальное положение дел.

Если говорить о модернизационной политике государства, заострим внимание на том, что имеет место латентный конфликт между властными институтами, экспертными группами и социально-политической средой по вопросу определения мировоззренческих основ, реалий стратегического планирования. Иными словами, речь идет об интересах государственного масштаба, ориентированных на реальные интересы и устремления общественности. Однако субъектный интерес отражает устремления отдельных институтов, ответственных за подготовку и проведение модернизации, а реальные интересы выдвигаются властными структурами, т.е. заказчиками модернизации, но они имеют свойство преломляться, не отражая обобществленной потребности в трансформации.

Представленные тезисы соответствуют пониманию С. Льюкса (S. Lukes) о взглядах на проявление властных отношений в обществе. По его мнению, подобная ситуация создает представления о трехмерном взгляде на власть, так как содержит в себе критический элемент

бихевиористского подхода, который лишь сосредоточивает поиск истинности в рамках принятия/непринятия политического решения [3]. Модернизационная повестка по своей сути предъявляет к исследованию формат поиска конфликтной ситуации, где существует не только явный конфликт по отношению к акторам, но и латентный, выражающийся в неопределенности в концепциях будущего.

На сегодняшний день можно определить латентный конфликт в рамках российской модернизации, выражающийся в неопределенности институциональных игроков, ответственных за разработку проектов стратегического развития. Невозможность сформировать адекватную и работоспособную повестку модернизации является достаточным аргументом для того, чтобы согласиться с указанным суждением о выражении конфликта в российской политико-экономической системе.

Углубляясь в анализ модернизационной повестки России, обратим внимание на то, что А. Кудрин и Б. Титов сосредоточивают свои теоретические устремления на мысли о срочном порядке избавления от громоздкой и серьезно заиерархизированной структуры государственного и муниципального управления. Первый автор говорит о необходимости скорейшего отхода от системы «ручного» управления, которая бы канула в Лету и была заменена системой «управления изменениями, нацеленной на решение стратегических проблем развития общества» [2, с. 13]. Второй же претендент на принятие его проекта в систему государственных изменений сосредоточивает свое внимание на построении управления на принципах проектных решений и внедрения KPI (Key Performance Indicator — ключевые показатели эффективности), которые бы учитывали количество созданных рабочих мест в рамках социального развития и рост производительности труда в качестве показателя технологического развития [4, с. 50].

К сожалению, система государственного управления модернизационными изменениями на протяжении долгого периода времени представляла собой не институциональную систему организации и контроля изменений, а субинституциональную среду политико-экономического планирования. Что это означает? Модернизационная повестка, формирующаяся в государственном и экспертном отношении, не

соответствует устремлениям, задаваемым течением времени и ситуационными изменениями. При этом в рамках российской модели управления изменениями на нормативном уровне только в 2014 г. появился закон «О стратегическом планировании». Иначе говоря, в период двух циклов реализации модернизационной повестки «Стратегии-2010» и «Стратегии-2020» государственные институты действовали без опоры на какую-либо профилирующую законодательную базу. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что институциональная база модернизации в стране, выражающаяся в определении конкретных правил игры, начала формироваться только с 2014 г., т.е. речь идет о периоде запуска политики тотального импортозамещения, переоценки собственных ориентиров производственных мощностей, взаимодействия с западным миром и т.д.

Помимо всего прочего, модернизационная концепция сталкивается с проблематикой определения собственной идеологии, т.е. установления магистральных ориентиров, на которых будет базироваться политико-экономическая среда в скором будущем. Не хватает онтологической определенности, т.е. формирования идеологии бытия стратегического планирования как модернизационного компонента российской политико-экономической среды.

Вероятно, хорошей идеологемной основой для модернизационных изменений в России могла бы быть так называемая национальная идея, которую В.В. Путин призвал искать в 2014 г. Однако формулировка «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», озвученная двумя годами спустя, звучит хорошо, но ее прикладное понимание в области социально-экономической и политической инженерии не способно сформировать качественную основу для совершения «скачка» в шестой технологический уклад, о котором с 2013 г. говорит Д. Рогозин*.

В связи с потерянной связью между реальными устремлениями и утилитарными потребностями распалась связь и с модернизационными устремлениями. При этом никто не отрицает важности и изменений, и обновления системы

управления этими изменениями, однако невозможность системного предвидения и осуществления политики трансформации идеологемной основы финансово-экономических аспектов развития не создает прочного фундамента социальной и управленческой ответственности.

Не будет лишним также вспомнить об отечественном политическом философе И.А. Ильине, который в качестве одной из аксиом власти предлагает реализовывать принцип осуществимости программы своих действий. Концепция «аксиом власти» наилучшим образом подходит для формирования теоретико-методологической базы управления изменениями в политико-экономической среде современности. Пятая аксиома, предлагаемая И.А. Ильиным, гласит, что «программа власти может включать в себя только осуществимые меры и реформы» [5, с. 142]. Это означает, что государственная власть не должна «грезить о совершенном строе», потому что «химические и утопические затеи не только подрывают в народе доверие к власти, веру в политическую организацию вообще и волю к государственному строительству, но просто разлагают и губят государство» [5, с. 142]. Ни в коем случае нельзя допускать морального и физического разложения государственности вследствие невозможности осуществить задуманную программу действий. Отсюда возникает понимание того, что властная организация должна уметь четко предлагать для акторов, ответственных за формирование и реализацию модернизационного курса, правила игры, которые, в свою очередь, перестанут нести тенденции институциональной неопределенности.

На сегодняшний день задача действующих акторов, которые задают тенденции для развития модернизационной политики, и ответственных авторов, и исполнителей стратегических положений состоит в том, чтобы модернизационная повестка, вырабатываемая государством совместно с аналитическими структурами, состояла из системообразующих элементов. Они, в свою очередь, должны определяться текущим состоянием экономики, политики внутренней и внешней, социальной структуры общества и духовного уровня развития населения.

Своеобразная центробежность ориентиров стратегического курса изменений должна смениться на центростремительные силы, ориен-

* Россия профукала «пятый технологический уклад» и должна перескочить на шестой // Ведомости. 15.11.2013.

тированные на системность в выработке курса модернизационных трансформаций. Сегодня государственным и общественным институтам важно создать прочную и устойчивую основу для определения новых горизонтов российской реальности на ближайшие годы. От того, каким образом будет определен дискурс модернизации до 2024/2025/2035 гг., в перспективе зависят изменения в политико-экономической реальности и на большее количество времени.

Подытоживая, стоит отметить, что модернизационная политика современной России остро нуждается в изменении собственных

ориентиров, необходимых для стабилизации социально-экономической сферы. При этом ни в коем случае нельзя пренебрегать административно-управленческими изменениями, которые могут быть предложены заинтересованными и ответственными акторами в сфере стратегического планирования. Важным аспектом развития страны в ближайшие годы станет стремление к скорейшей адаптации к глобальным трансформациям и создание собственной социально-политической и экономической инженерии в области управления изменениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кувшинова О., Лютова М. Для России напишут новую стратегию развития — до 2030 года. *Ведомости*; 21.07.2015.
2. Кудрин А. Л., Соколов И. А. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики. *Вопросы экономики*. 2017;(9).
3. Lukes S. *Power: A radical view*. 2nd ed. Houndmills: Palgrave Macmillan; 2005. 201 p.
4. Титов Б. Ю. и др. Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 года «Стратегия роста». М.: Институт экономики роста им. ПА Столыпина; 2017. 53 с.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ; 1993. 237 с.

REFERENCES

1. Kuvshinova O., Lyutova M. *Vedomosti*. 21 July 2015. (In Russ.).
2. Kudrin A. L., Sokolov I. A. Budgetary maneuver and restructuring of the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*. 2017;9:5–27. (In Russ.).
3. Lukes S. *Power: A radical view*. 2nd ed. Houndmills: Palgrave Macmillan; 2005. 201 p.
4. Titov B. Yu. et al. Mid-term program of the social-economic development of the Russia until 2025 “Growth Strategy”. Moscow: Stolypin Growth Economy Institute; 2017. 53 p. (In Russ.).
5. Il'in I. A. On the essence of legal consciousness. Moscow: Rarog; 1993. 237 p. (In Russ.).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Кафтан В.В.

Отличительной чертой настоящего учебника является его практическая направленность с опорой на наиболее значимые научные концепции, описывающие специфику возникновения и функционирования в информационном поле коммуникаций и масс-медиа. Рассмотрены различные парадигмальные подходы к изучению коммуникаций. Выявлены существенные черты и содержательные особенности коммуникаций в целом и массовых коммуникаций в частности. Рассмотрены основы коммуникативного восприятия и конструирования социальной реальности. Проанализированы методы, приемы и формы репрезентации информационно-коммуникативных технологий различного назначения — от рекламно-маркетинговых и медиаполитических до манипулятивно-вирусных и военно-симулятивных. Соответствует ФГОС ВО последнего поколения. Для студентов, обучающихся по направлениям бакалавриата «Реклама и связи с общественностью», «Журналистика» и «Политология».